

и озлобляющих казнят, не исцелных же весьма от среды благых возмут».¹

Внедрение церковной доктрины «терпения» в гражданское общество особенно вредно может отразиться на положении господствующего класса феодалов, обладающих многими слугами, дорогостоящим имуществом, оружием и деньгами. Если заявить, рассуждает Карпов, что «так как я терплю, то и всем этим не владею», тогда я буду не в состоянии исполнять служебные обязанности и буду бесполезен для отечества. «Дело народное»² в градах и царствах погибнет дльгодушством тръпения».³

Итак, выступление Карпова против «терпения» имело ярко выраженный классовый смысл. Публицист защищал интересы господствующего класса и отнюдь не был против смирения и терпения угнетенных классов, ибо существование феодалов он не мыслил без повиновения им слуг и других зависимых людей.

Не сторонником боярских привилегий, а идеологом складывавшегося самодержавия, отвечавшего интересам дворянства, рисуется нам Федор Карпов по его посланию к митрополиту Даниилу. Борясь против проповеди «терпения», Карпов выступал против претензий церковников на руководство светскими делами, против подчинения государства церковной идеологии. Карпов считал, что «ин есть суд в духовных лицах, а ин в мирском начальстве».⁴ Он допускает существование терпения для лиц духовного сана, например для монашествующей братии.⁵ Такое подразделение на светское общество и духовное, в котором «терпение» сохраняется, имеет совершенно определенную цель подчинения церкви растущему самодержавию и, следовательно, также направлено против осифлян. Поэтому неправа Е. Кимеева, считающая, что попытка ограничить политическую роль церкви означала стремление ослабить центральную власть и представляла собой отражение идей нестяжательства.⁶ Выступление против одной из основных догм православной церкви — христианского терпения — было одним из проявлений нового гуманистического мировоззрения, постепенно освобождавшегося от церковной оболочки.

Карпов не ограничился критикой взглядов воинствующих церковников. В послании к Даниилу он изложил также свое представление об организации государственного управления. Негативная сторона в его выступлении дополнялась позитивной. Государства, по Карпову, должны строиться на началах «правды» и «закона». Правду, т. е. справедливый образ правления, он противопоставлял христианскому терпению. Осифлянскую теорию теократического самодержавия Карпов пытался заменить рационалистическим представлением об идеальном государственном строе. Он писал: «... правда есть потребна во всяком градском деле и царстве к прибытию царства; поне иже единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, — тогда хвала трпениа погибнет».⁷

¹ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109—110.

² Очевидно, перед нами дословный перевод с латинского «Res publica» (это предположение сделано А. И. Клибановым).

³ «В мирском же начальстве истязуют, многа бо подвластных овогда убо слуг, иногда оружию, другойци коней, иногда одеж красных, иногда ина коя състоятся сребром, пеньзми и аще реку: аз тръплю, не имея же предреченных в что вменится мое тръпение, разве оставится от отечества изгонится от службы честны, причтется нищ, ко службе не потребне и некако по его отечеству, к тому же и домовная потреба много стужит» (В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109).

⁴ Там же.

⁵ «В монастырех бо от братии никогда подобает оскудети тръпению» (там же).

⁶ Е. Н. Кимеева, ук. соч., стр. 227.

⁷ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 109.